

ГЛАВА 1

1919 год

*В вагоне поезда. Странные пассажиры.
Попытка ограбления. Коцик и Топтыш*

Старый вислоухий пес с облезшим хвостом семенил вдоль железнодорожной насыпи, обгоняя вагон. Светлые подпалины пробивались через его грязную шерсть, а в слезящихся глазах застыло выражение унылой покорности судьбе. Это выражение как можно точно характеризовало ту холодную, грязную осень, которая грустила за закопченными окнами медленнодвигающегося поезда.

Разбитый вагон, в котором ехала Таня, представлял собой нечто среднее между теплушкой и первым классом. От первого класса были грязные окна, с которых давно содрали шторы, а от теплушки — от-

сутствие большинства сидячих мест. Непонятно по какой причине скамьи для сиденья в вагоне были выломаны с «мясом», впрочем, так же, как и перегородки между купе. И лишь где-то оставались поломанные остовы, на которых можно было кое-как сидеть.

На все это страшно было смотреть. Как сказала одна из немногочисленных пассажирок этого странного поезда, он был «обчищен для нужд пролетариата», и всем своим видом как бы дополнял промозглую осень, которая безрадостно тянулась за окнами.

Прислонившись к холодному стеклу воспаленным лбом, Таня с тоской наблюдала за вислоухим псом, сама себе напоминая это бездомное животное.

Поезд полз так медленно, что, казалось, не движется вообще. Охая и кряхтя железными костями, он останавливался на каждом полустанке, на каждом отрезке пути, словно пытаясь задержать навсегда уходящее прошлое.

Рельсы были раскурочены. Изредка вдоль железнодорожной насыпи виднелись почерневшие, обугленные останки чего-то. Таня все не могла разобрать: то ли это горели дома, то ли пожар уничтожил деревья и телеги.

Местность была страшной, пустынной. Темными ранами на обличье земли чернели голые, абсолютно голые заброшенные поля, на которых ничего не росло — и уж, похоже, ничего вырасти не могло. Их было значительно больше, чем сел, встречающихся на про-

тяжении этой долгой унылой дороги по направлению к Измаилу.

В течение всего пути Таня сто раз уже успела раскаяться в том, что села в этот поезд. Может быть, она и выпрыгнула бы уже, и пошла назад, но... Но ей мешала воспаленная, до вздувшегося, окровавленного нарыва, гордость. И эта гордость заставляла ее сидеть на поломанной скамье, прижимаясь к стеклу горячим от таких же горячечных мыслей лбом.

На каком-то полустанке вагон заполнился людьми. Напротив Тани очутились двое: молодой мужчина и женщина. Они были настолько похожи, что нельзя было сомневаться в их родстве: брат и сестра. Даже движения и жесты были одинаковы.

Они не походили на сельских. На женщине была хоть и потрепанная, но фасонная шляпка и коричневое платье — когда-то модное, но уже с заплатами на локтях. На мужчине — военная шинель с сорванными погонами. Дама сжимала ручку пузатого саквояжа. Кожа его лопнула сразу в нескольких местах, и оттуда вылезали какие-то сизые, неопрятные куски пакли.

Все это вместе свидетельствовало о страшной, ужасающей бедности, которая вдруг обрушилась на мир.

Тане подумалось, что и сама она выглядит не многим лучше в этом перевернутом мире, где женщины больше не носят новых платьев. А вместо румян на их лице — выражение отчаяния и печали, похожее на застывшую маску.

— Вы до Измаила едете? — Женщина вдруг повернулась к Тане, и в глазах ее появилось даже нечто похожее на блеск — так приятно было для нее присутствие собеседницы.

— Не знаю еще, — Таня устало качнула головой.

— А мы с братом от самого Аккермана едем. Говорят, что в Измаиле тиф. — Она даже не вздохнула, говоря о тифе как о самых привычных вещах; собственно, так и было в том мире, где они все очутились.

— Где его сейчас нет, — в тон ей ответила Таня, всмотревшись в усталое лицо женщины и сразу увидев в нем благородство. В прежние времена она могла быть классной дамой, курсисткой. Но сейчас, здесь это был всего лишь придорожный листок, подхваченный ветром...

— Можем и не доехать до Измаила, — вмешался в их разговор брат, — говорят, на пути банды. Вдоль всего железнодорожного полотна. Поезда обстреливают.

— Слухи это! — Сестра всплеснула руками. — Мало ли что говорят! Мы ведь думали, что и поезда не ходят. А вот едем.

В этот момент, как бы противореча ее словам, поезд издал какой-то утробный хрип и вдруг резко стал, задрожав всем своим металлическим телом.

— Воронка... Снаряд... Облава... — раздались голоса, сразу со всех сторон, и тут же появился проводник. Хитрый и жадный (чтобы зайти в вагон, Таня сунула ему деньги), этот пролетарий зло поблескивал глазами, злорадно потирал руки и хрипло приговаривал, идя по всем вагонам: